

*Наступят дни, когда будет казаться, что египтяне тщетно
служили богам так усердно и ревностно, потому что боги
уйдут на небо, и люди на земле погибнут...*

Гермес Трисмегист. Асклепий
(в переводе Д. С. Мережковского)

ПРОЛОГ

В сравнении с какофонией боя на нижних этажах здесь было так тихо, что казалось, слух отказывал ему. Мертвенное безмолвие нарушала только его тяжёлая поступь. Застывшие лица павших смотрели на него, он уже потерял им счёт. Врагов среди них было больше — и за это стоило благодарить Богов.

Длинные светлые волосы, влажные от крови, обвивали его пальцы и запястье поверх наруча. Военачальник шагал по знакомым с детства коридорам, и его шаги разносились по ним гулким эхом. Крики и звон оружия звучали так далеко, словно всё это лишь снилось ему — мрачное наваждение, кошмар, от которого невозможно очнуться. Или он сам был выходцем из кошмара, пришедшим вернуть правосудие, не принадлежащим уже этой реальности?

Правосудие... Он возглавил оборону дворца. Его отряд помог отбить нижние залы, и всё же — слишком много потерь.

Кровь Риаринн струилась на гладкие мраморные плиты, оставляя за ним алуя дорожку. Этой крови было не смыть ту, что пролили сегодня его воины. Ту, которой захлебнулись жители дворца, не готовые к предательскому нападению.

Сердце кольнуло предчувствием даже прежде, чем он заметил смутное движение на периферии зрения. Тяжёлый меч гулко расcёк воздух, находя цель, вскрывая грудь незадачливого убийцы. Тот не успел ещё осесть на пол, тщетно зажимая ладонями страшную рану, когда Алазаарос резко развернулся. Сделав подсечку хвостом, военачальник сбил с ног второго и не глядя наступил ему на горло, размоzzжив гортань. Верный клинок нашёл третьего — Алазаарос с силой отбросил его к стене, не выпуская из другой руки свою добычу. Сквозь предсмертные хрипы он слышал поспешно удаляющиеся шаги. Оставшимся он позволил сбежать, лишь коротко посмотрев на нападавших.

Фейские отродья и человек, оседавший вдоль стены. Военачальник не стал добивать его — всё равно не переживёт эту ночь — и направился дальше. Несостоявшийся убийца сплюнул вслед проклятие.

Алазаарос невесело усмехнулся — они уже были прокляты, если дела обстояли именно так, как он теперь понимал. Понимал — и рад был бы ошибаться.

Он прошёл вглубь императорского крыла — туда, где располагались и его собственные комнаты. Двери в покои Владыки были распахнуты. Сердце пропустило пару ударов. Где же были Ануират, бдительные стражи Владыки и в жизни, и в смерти? Пронеслась перед внутренним взором сцена их прощания у наспех забаррикадированных дверей дворца. Ободряющая улыбка, которую он прочёл в оскале псоглавого стража.

«Это твоя битва, Первый Клинок Таур-Дуат. А уж мы своё дело знаем».

И снова трупы... Их смерть была быстрой, чистой, и всё же мертвецы так неуместно смотрелись в личной приёмной Императора — среди золочёной мебели, изящных статуй и драгоценных ваз. На резном столике, инкрустированном голубым перламутром, были аккуратно разложены свитки, сбрызнутые бисерной алой россыпью.

Ни единой живой души... Помедлив, военачальник направился к внутренним покоям Владыки, не зная, что обнаружит там. Но не успел он сделать и нескольких шагов, как дверь распахнулась. Восемь псоглавых стражей вышли ему навстречу, ступая нога в ногу, — хопеши* опущены, щиты закинuty за спину.

Алазаарос не двигался, готовый к любому повороту событий. Мог ли Владыка отдать и *такой* приказ?

Рука инстинктивно крепче сжала рукоять меча. Таким оружием владели немногие даже среди рэмеи. Оно носило имя Сатехово Пламя — в честь Владыки первородного огня, Отца войны. Узор вырезов и острых кромок на лезвии действительно напоминал танцующие языки застывшего огня, хаотично разбросанные по клинку. В умелых руках такой меч наносил поистине ужасающие рваные раны.

Своим клинком военачальник владел более чем искусно, но даже ему было не одолеть Восьмерых — лучших среди всех воинов Таур-Дуат.

В следующий миг Ануират вдруг поклонился ему. Изумрудные глаза Первого странно блеснули, и он коротко кивнул своим воинам.

* Хопеш (хепеш, кхепеш) — разновидность клинкового оружия серповидной формы, применявшаяся в Древнем Египте. Хопеш произошёл не от меча, а от топора, а потому в основном предназначался для рубящих ударов, но при должном мастерстве владения им можно было наносить и колотые раны. Считался оружием элитных подразделений. Также его использование носило церемониальный характер. Из-за двоякоизогнутой формы хопеш не подразумевал ношения в ножнах: его закрепляли на поясе или за спиной.

Телохранители скорчились, глухо зарывав, меняя облик на рэмейский прямо у него на глазах. Но ведь никому не было позволено видеть лица стражей Императора, обычно скрытые под собачьими шлемами! Алазаарос невольно вскрикнул, отшатнувшись. А потом восемь лиц, благородных, бесстрастных, точно посмертные маски, обратились к нему.

Первый из Восьми поклонился, приложив кулак к груди, и остальные последовали его примеру. Никто из них не спросил о голове царицы в его руке, не удостоил её даже взглядом.

— Делай что должен, Первый Клинок Таур-Дуат, — хрипло проговорил предводитель стражей.

Недоумённо военачальник смотрел на псоглавых.

— Что с Владыкой? — тихо спросил он.

Вместо ответа Восемь синхронно развернулись, встав в торжественный боевой порядок, по четыре с каждой стороны, и отсалютовали друг другу клинками.

Крик умер у него на губах, когда единым слитным движением Ануират сразили друг друга и рухнули бездыханные. Казалось, уже ничто не может поразить его — чувства онемели, и разум захлопнулся, не в силах принять и осознать происходящее. Оставалась только воля, крепость намерения, но сейчас и эти столпы пошатнулись.

Ануират самовольно оставили свой вечный пост, уготованный им предками. Смерть трагичная и величественная пресекла договор, действовавший много сотен лет. Избранные стражи Императора покинули его — единственным возможным путём.

Сокрушительное чувство одиночества, которому не было, *не могло быть* места сейчас, сковало Алазаароса. Но он ведь знал, что никто не пойдёт с ним до самого конца. Никто не сумеет...

Прошептав слова благословения умершим, осторожно переступая тела, он оказался у двери и перешагнул через порог.

В спальне царил полумрак. В кресле у ложа, точно на троне, величественно восседал Император Джедефер Эмхет, Владыка Обеих

Земель, хранитель Божественного Закона, наследник Ваэссира. Длинная драпированная тёмно-синяя туника, прихваченная широким золочёным поясом со священными символами, облекала его тело. Шею и грудь украшало золотое оплечье с бирюзой и карнеолом; пальцы с аккуратно подпиленными когтями — перстни с печатями и лазуритовыми скарабеями. Величайший знак его власти — Двойной Венец — он так и не снял.

Впервые Алазаарос не поклонился — лишь смотрел в это лицо, точно в зеркало. Те же высокие скулы и орлиный нос. Те же золотые глаза и резко очерченные губы. Тот же изгиб рогов. Оба они унаследовали черты Ваэссира, как и все представители династии Эмхет, разве что лицо Джедефера всегда было более утончённым, черты — изящнее, красивее, возможно даже одухотворённые.

Алазаарос опустил меч и приблизился, а потом безмолвно положил у ног Императора голову Риаринн. Лёгкая улыбка тронула губы Владыки, и он вздохнул, переводя сочувственный взгляд на своего военачальника.

— Стало быть, убив новоиспечённую царицу, Первый Клинок Таур-Дуат пришёл на суд Владыки. Долг всегда был для тебя превыше прочего, мой верный военачальник.

Джедефер излучал удивительный магнетизм, величие, преклониться перед которым инстинктивно желал каждый рэмеи. В его голосе были заключены древняя мощь и красота. Глядя в его глаза, Алазаарос по-прежнему видел мудрость Ваэссира, затмевавшую собой всё, и его сердце дрогнуло. Уверенность в собственной правоте пошатнулась. Как он посмел сомневаться? Как посмел увидеть в этом взгляде тени запретного Знания, отрицавшего Божественный Закон?

Преклонив колено, он опустил голову, ожидая решения Владыки. И лишь смерть Восьми не давала ему покоя... Ануират, покинувших своего Императора, чего никогда не случалось.

— Мои стражи предали меня, — мягко проговорил Джедефер. — Видишь ли, я более не являюсь достойным воплощением Ваэссира

в их глазах... Ты тоже предашь меня, Первый Клинок Таур-Дуат? Мой возлюбленный брат?

Алазаарос снова посмотрел на него, не находя слов. Мысли рассыпались перепуганными тенями. Джедефер улыбнулся снисходительно, но тепло. Военачальник помнил такой взгляд старшего брата с детства, когда тот рассказывал ему что-то о древних традициях и их смысле в жизни каждого рэмеи, а тем более царевича. После того как их отец ушёл в чертоги Ануи, Джедефер стал для Алазаароса всем. Когда же это изменилось?

И разве изменилось?

Подавшись вперёд, Император положил ладонь поверх его окровавленного наплечника.

— Я не виню тебя за гибель моей царицы, предавшей нас. Я пригрел змею на груди, и такое наказание справедливо.

— Так ты всё знал? — тихо спросил Алазаарос.

Одно слово — и он последует за Владыкой хоть в самую бездну к хайту, как было всегда. Одно слово, чтобы развеять сомнения...

Джедефер улыбнулся, печальный, всезнающий.

— Не всем дано постичь величие моего замысла, и многие пали жертвой своего невежества. Война теперь, как видишь, неизбежна — хотя, видят Боги, я желал предотвратить её. Риаринн, заложница мира, возвеличенная мною до царицы, положила начало новой эпохе, хотела того или нет, — его взгляд, казалось, проникал в самое сердце, и тепло их родства отгоняло всякие сомнения. — Неважно, сколько будет жертв... главное, чтобы ты, брат мой, остался подле меня. Лишь твоя жизнь теперь имеет для меня значение. Я возвеличу тебя над всеми, ведь только ты достоин быть со мной. Ты останешься рядом, что бы ни было? Защитишь меня, живое бьющееся сердце нашей земли?

Зачарованно Алазаарос кивнул, зная, что не может иначе.

Хрипло он повторил слова клятвы, о которой не раз сожалел впоследствии:

— Я с тобой до конца, мой Владыка.

ЧАСТЬ ~ 1 ~

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДЕМОНОКРОВНАЯ ТВАРЬ

Восточные ворота, от которых открывался вид на барханы Каэмит, были гостеприимно распахнуты для караванов и одиноких путников, спешащих в город. Торговцы привычно ругались, спорили, кому надлежит пройти первым. Кто-то уже недосчитался своего товара и голосил, призывая стражу. Впрочем, стража в лице пары воинов, коротающих знойный день в сторожке за игрой в нарды, на призыв не спешила.

Аштирра не успела понять, чем кончилось дело, — отец уже потянул её за собой. Ведя под уздцы верблюда, Раштау решительно шагнул вперёд, рассекая толпу, точно клинок. Ему поспешно уступали дорогу, улыбаясь кто искренне, кто подобострастно. Многие здесь знали его если не лично, то понаслышке — спутать его с кем-то было трудно. Красно-рыжие волосы заплетены в косы, гребнем проходящие между рогами, виски выбриты. Аштирра знала, что жрецы древности часто выбривали голову целиком, но Раштау, даже будучи последним Верховным Жрецом Таэху, этой традиции не следовал, словно выбрав для себя

некий компромисс. На суровом загорелом лице сверкали глаза, похожие на льдистые сапфиры амулетов тётушки Эймер. Люди избегали встречаться с ним взглядом — даже не используя внутренний взор целителя, Раштау умел заглянуть в самое сердце.

Но юной жрице весь его облик нравился. Она вообще считала отца самым красивым на свете. Даже в своих тёмных льняных рубаше и штанах — таких же, как у неё, запылившихся в пути — он выглядел словно герой легенды. Печать их наследия Раштау всегда носил без тени стыда, с достоинством, и её научил тому же.

Грозное оружие, давшее отцу его прозвище, висело на поясе, свёрнутое кольцами, словно спящая змея. Пояс и грудь перехватывали ремни, и к ним помимо ножей крепились мешочки со снадобьями и амулетами — знаки его ремесла.

Раштау Пламенный Хлыст слыл искуснейшим целителем в этих краях. Многие обращались к нему за помощью, презрев даже распространённые расовые предрассудки, — кто-то, правда, тайком от соседей и родни. Но говорили также, что и на расправу он скор, если что-то ему не по нраву. Мол, как срастил кость, так и обратно ломает, причём даже пальцем тебя не тронув. Аштирра не могла припомнить случаев, чтобы отец в самом деле кому-то вредил, но знала, что его искусство велико. С ранних лет обучаясь целительству у Раштау, она и сама уже успела понять, как легко обернуть вспять жизненные токи. Ведь, по сути, недуг и исцеление были разными сторонами одного и того же процесса.

За спиной шептались и переговаривались, кто-то даже тыкал пальцем — пока жрец не видел, конечно же. Аштирра лишь сильнее расправила плечи, ступая рядом с отцом, подражая его спокойной невозмутимости.

Вообще, рэмеи не были в Сияющем такой уж диковинкой. Огромный портовый город стал домом для представителей всех

пяти рас, хоть люди и встречались здесь чаще прочих, как и почти везде.

Вопреки названию, Сияющий был далеко не самым блистательным самоцветом в Ожерелье Городов, зато лежал ближе всего к Обители Таэху — всего-то дня три пешего пути, а если верхом, то и в полтора можно уложиться.

Стараясь не отставать от отца, Аштирра посматривала по сторонам, неизменно дивясь разнообразию нарядов и нареканий. Каждая поездка в Сияющий была для неё целым приключением, приближавшим к большому миру. Она выросла в пустыне и чаще посещала кочевнические стойбища и древние развалины, потому город восхищал её, словно то и дело поворачивался к ней новым лицом. Шумные рыночные площади, гудевшие на разные голоса на десятках языков, соседствовали с величественными храмами целого сонма новых Богов, поражающими разнообразием убранства. Пропахшие несвежей рыбой грязные улочки портовых трущоб резко контрастировали с белоснежными стенами и висячими садами, полными ярких экзотических растений, резиденций купцов и аристократов. Говорили, что ирригационная система, питавшая сад градоправителя, стоила больше, чем целый район.

Товары с самых дальних уголков континента лились сюда рекой, и город процветал. Но разнообразие культур и происхождения жителей не могло не наложить на лик Сияющего свой отпечаток. Если сказать мягко, архитектура не была выдержана в едином стиле. Сердце всякого уважающего себя зодчего кричало бы от такого надругательства над эстетическим вкусом, притом что некоторые здания вполне могли бы по праву называться жемчужинами. Вот только место этим жемчужинам было в совсем разных ожерельях, и, как ни старались представители местной элиты, облик Сияющего получился запоминающимся

и аляповатым — словно цветастый, украшенный колечками и блёстками наряд базарной танцовщицы. Вроде и взгляд привлекает — не оторвать, а всё ж в приличном обществе в таком виде не покажешься. Сами жители, даром что ругались, чулкам недобрых слов о любимом городе не прощали. Может, потому и воспевали барды в песнях красоту одного из крупнейших портов Малахитового моря? Красоту, вынимавшую сердце из груди... а заодно и глаза из глазниц.

Впрочем, Ашти́рре действительно нравилось бродить по этим пёстрым улочкам, глазеть по сторонам, вслушиваясь в обрывки незнакомых фраз. И, конечно, мечтать о дальних путешествиях вроде тех, о которых рассказывал отец. А ещё, когда они вдвоём отправлялись в Сияющий пополнить припасы или встретиться с кем следует, Раштау баловал дочь какими-нибудь гостинцами. Кто же не любит получать подарки, особенно если привычная жизнь так аскетична?

В городе им предстояло провести дня два или три и даже посетить небольшой праздник. Отец сказал, что госпожа Мейва решила уйти на покой, перебраться в район побогаче, и «Тихую Гавань» выкупил кто-то другой. Кто — жрец не говорил, но праздник завсегдатаям хозяйка обещала.

Ашти́рра с сожалением подумала, что «Гавань» без госпожи Мейвы и её замечательных ягодных пирожков будет совсем не та. Но не исключено ведь, что и новый хозяин не так плох. Не могла же Мейва отдать своё детище в недостойные руки. Трактир в самом деле был её личной тихой гаванью — так она сама говорила, хоть почти и не рассказывала о своей прежней жизни. Отец упоминал, что в прошлом госпожа Мейва носила совсем другое имя и была грозой морских торговых путей. Но кто ж об этом вспомнит сейчас? В Сияющем все знали её как

суровую, но радушную хозяйку «Тихой Гавани», одной из лучших таверн побережья.

У Мейвы была целая коллекция экзотической брани на самых разных языках, но ругалась она в основном как-то не зло, даже по-своему вкусно — это Аштирра помнила с детства, только при отце старательно запомненные словечки лишний раз не повторяла. Запас у жрицы регулярно пополнялся, особенно если в таверне кто-то начинал чинить беспорядки. Разнимать драки госпожа Мейва умела даже лучше громил, охранявших двери её заведения, — тут уже в ход шли и острый язык, и тяжёлая рука. Аштирра сама была не прочь такому научиться — можно было бы вообще не полагаться на Всплески. Увы, комплекцией жрица обладала куда более хрупкой, чем бывшая пиратка, да и говорить так, чтоб стены ходуном ходили, не умела. Ну что ж, каждому своё.

Лабиринт кривых улочек как раз вывел их к небольшой площади и трактиру, когда хриплый голос Раштау вырвал Аштирру из мыслей.

— Вот, возьми, — отец передал ей небольшой увесистый кошель и подмигнул. — Сама выберешь себе что захочешь. Ты вроде просила зеркало и новый гребень?

— А ты разве со мной не пойдёшь? — удивилась Аштирра. — Ты же всегда наведываешься к алхимикам и травникам. Пора пополнить запасы, я проверяла.

— Успеем ещё, — Раштау кивнул в сторону таверны. — Мейва просила осмотреть её старого знакомого. Влип он в какую-то неудачную историю.

— Может, я помогу? — с готовностью предложила девушка. — Я ведь тоже уже кое-что умею.

Жрец покачал головой, ласково погладил её по волосам.

— Даже не «кое-что». Ты умеешь немало, — суровое лицо Раштау осветила тёплая улыбка. — Тут я справлюсь, ну и последние новости заодно послушаю, а ты пока развейся. Я же знаю, как ты ждала этой поездки.

Верблюд, предчувствуя отдых, утробно заурчал и нетерпеливо потянул хозяина к тени плетёного навеса. Ждать, пока рэмеи решат свои дела, он не желал. Аштирра со смехом хлопнула его по золотистому боку.

— Ты только до заката возвращайся в «Гавань», — велел Раштау уже через плечо.

— Конечно, пап! — помахав жрецу, девушка быстро пересекла площадь и нырнула в разномастную толпу, спешившую к базару на берегу.

День обещал быть просто прекрасным. Внутри царило радостное предвкушение, и хотелось пуститься вприпрыжку. Аштирра даже проскакала пару шагов, ловко лавируя между чужими локтями, пользуясь тем, что некоторые смотрели на неё брезгливо и старались держаться на расстоянии. Потом девушка вспомнила о жреческом достоинстве и чуть не наступила на собственный хвост. Отец хоть и не видел, но от взглядов предков не скроешься — может, не одобряли они прыжки и ужимки? Как-никак древний род Таэху не уступал императорскому. Да и до совершеннолетия оставалось лишь немногим больше пары лет — нужно уже уметь производить впечатление, чтоб как зыркнешь — сразу все замирали. Отец, поди, умел такое с юности.

Аштирра приснула, представив это, и в следующий миг ловко убрала хвост из-под ног пары стражников, догонявших какого-то воришку. Здесь это было делом нередким. Жрица плотнее прижала ладонь к потайному карману, где спрятала отцовский кошель. Раштау не раз предупреждал её, что нечистые на руку

люди и нелюди зарабатывают себе на жизнь как раз в толпе. Тианера, ещё одна давняя подруга отца, добавляла, что некоторые даже возводят воровство в ранг искусства, но Ашти́рра не горела желанием сталкиваться с мастерами этого ремесла. Пока ей везло.

Базар сам по себе походил на небольшой город — лабиринт разноцветных шатров, упиравшийся в торговые ряды резных каменных построек со стрельчатыми окнами и полукружиями куполообразных крыш. И этот «город» в сердце Сияющего Ашти́рра знала с детства. Знала, где продают лучшие тканые ковры и самые красивые украшения из настоящего золота, а не латунные подделки разной степени искусности. Где можно купить горных трав по хорошей цене, а куда не стоит и заглядывать. Ряды оружейников ей когда-то показывал ещё дядюшка Фельдар, именитый кузнец, у которого была собственная лавка. И заходить поглазеть к ним Ашти́рра любила не меньше, чем к ювелирам, хотя у неё уже был самый лучший кинжал дворфийскойковки.

На базарной площади всегда было многолюдно — все куда-то спешили, толкались, шумно спорили и торговались. Вокруг стоял гомон, сплетённый из множества голосов и наречий, так что с трудом можно было разобрать цельные фразы. Но девушке это казалось самой настоящей песнью странствий, осколками чужих приключений в едином причудливом витраже. Если повезёт, можно было поймать за хвост несколько интересных историй от чужестранцев. И, конечно, купить что-нибудь красивое, экзотическое.

В солёном прибрежном воздухе здесь даже не ощущалась обычная вонь городских улочек, зато витала масса других запахов, приятных и не очень — от специй, масел и редких цветов до верблюжьего и конского навоза.

Раздумывая, куда бы направиться в первую очередь, Ашти́рра сначала хотела заглянуть к оружейникам и травникам,

но опасалась, что тогда у неё не останется ни монетки на гребень и зеркало. Резной костяной гребень, когда-то подаренный кочевниками в благодарность, успел сломаться о её непокорную огненную гриву. Тётушка Эймер, не оставлявшая попыток воспитать из юной рэмеи настоящую благородную госпожу, очень ругалась бы, узнав, что её воспитанница обходится половиной гребня. Но в последнее время Аштирра расчёсывалась редко — просто заплетала свои длинные волосы во множество косичек. Так и мыть было проще — нырнула в озеро после охоты в пещерах, и снова красавица. Но Эймер говорила, что у дамы должен быть при себе гребень — и не только! — даже если эта дама шныряет по пустыне. Конечно, Аштирре было далеко до тётушки в вопросах красоты и изящества — чародейка одевалась со вкусом даже для вылазок в гробницы. Но кое-какую науку жрица всё же переняла — как одеваться подобающе случаю, как подчеркнуть природную красоту макияжем, как вести себя за столом, чтоб званый ужин не превратился ненароком в пиршество гиен, и прочее.

«Ты же аристократка!» — не раз сетовала Эймер, изгибая бровь, когда её воспитанница жадно вцеплялась зубами в запечённый хвост ящерицы или облизывала измазанные в медовых сладостях пальцы.

«Тётушка, это было очень давно», — оправдывалась Аштирра, но исправлялась, чтобы не расстраивать чародейку.

Эймер была ей почти как мать. Сейчас тётушка жила в Сияющем, но одно время буквально дневала и ночевала в Обители, помогая Раштау растить тогда ещё маленькую Аштирру.

Жрица выбрала себе гребень из железного дерева, украшенный южным орнаментом из спиралей, — не самый дешёвый, зато крепкий. Оставалось зеркало. Небольшое настенное зеркало у жрицы было — Эймер подарила, драгоценное, с настоящей

серебряной амальгамой, — но его отец забрал для обрядов. С ритуальными предметами в бытовых нуждах шутки плохи, особенно во время Всплесков, так что лучше было подыскать новое, а заодно и тётушке подарок присмотреть.

Вскоре Ашти́рра вышла к каменным торговым рядам, издалека заприметив лавку стекольщика с цветными витражами в оконных проёмах. Таких лавок здесь было несколько, но эта притягивала взгляд. Девушка смутно припоминала что-то тревожное, связанное с этим местом. Вроде бы здешний купец был не очень-то приветлив, или он демонов боялся до лихорадки? Ашти́рра как раз подумывала, не пройти ли мимо, когда взгляд её упал на висевшие в узорных бронзовых оправах светильники и пару зеркал, выставленных у входа. В солнечных лучах кушочки смальты переливались, точно драгоценные камни, и жрица никак не могла отвести глаз. Этой красоте обрадовались бы даже во дворце древних Владык! Тётушке точно нужен был такой светильник.

И Ашти́рра решилась — направилась в лавку, походя поздоровавшись с хмурыми стражниками в лёгких кожаных доспехах, скучавшими у входа.

Изделий из цветного стекла и прозрачного хрусталя здесь было великое множество — даже глаза разбегались. Их маленькая семья не была бедна, но Ашти́рра с детства впитала: не бери лишнего, будь то что-то нужное или просто для души. Пришла за зеркалом и светильником — вот и не отвлекайся, например, на вазы.

Ашти́рра уже приглядела подвесную лампу из тёмно-синего стекла — тётушка Эймер очень любила такой оттенок, — когда её взгляд упал на полированную поверхность, обрамлённую тонко переплетёнными серебристыми ветвями. Узор вокруг зеркала живо напомнил Ашти́рре сказки о зачарованных чашкобах

по ту сторону гор, где правил Каэрну Охотник. Леса ей доводилось видеть только на гобеленах да в тех иллюзиях, которые в детстве ткала для неё чародейка. В общем, эта вещица буквально околдовала юную жрицу, и на другие она уже не смотрела.

Хозяин лавки — смуглый высокий бородач — как раз степенно выплыл из-за занавеси, закрывавшей вход во внутреннее помещения. Вот только единственной заглянувшей к нему покупательнице он почему-то не обрадовался. На лице человека отразилось выражение такой брезгливости, словно на мягкий ковёр ступила шелудивая собака из ближайших трущоб и он раздумывал, как бы избавиться от животного побыстрее и наверняка.

— Да хранят Боги твой дом, и пусть судьба отсыплет тебе богатств щедрою рукою, — учтиво приветствовала девушка. — Я бы хотела купить вот тот светильник. И это зеркало.

Хозяин смерил Аштиру презрительным взглядом и, выругавшись, плюнул себе под ноги, даже не стесняясь.

— Надеюсь, ты ничего здесь не трогала?

— Нет, — ответила девушка, озадаченная таким приёмом.

— Я не продаю свои произведения искусства таким как ты. Эй вы, недотёпы! — крикнул он охранникам. — Вы как вообще пустили демонокровную тварь на порог?

Один из них смущённо потёр затылок.

— Так ведь это... хозяин, покупателей сегодня совсем негусто.

— А девица вроде при деньгах, — подхватил второй. — Вон и кинжал дворфийский на поясе.

— Кинжал, значит, разглядели, болваны, а рога и хвост пропустили? — ядовито поинтересовался хозяин, игнорируя гостью. — А ну как разнесёт свою проклятую заразу, вашим потомкам на семь поколений хватит!

Аштирра растерялась от такой открытой грубости, хоть ей уже и приходилось сталкиваться с предрассудками и нападка-ми. Но Раштау всегда защищал её, вставал между ней и обид-чиками непоколебимой скалой. Потомок демонов или нет — жреца здесь боялись, да и не хотел никто из местных лишиться шанса на его помощь в будущем. Мало ли что случится? Лучше уж не ссориться. Вот только хозяин лавки, похоже, не признал дочь прославленного целителя.

Девушка, с сожалением посмотрев на светильник и зерка-ло, уже сделала несколько аккуратных шажков к двери. Купец отвлёкся, жарко споря с охранниками, но те, как назло, заняли проход. Аштирра уже почти добралась до выхода и хотела улу-чить момент, чтоб выскользнуть на улицу, когда хозяин ткнул в неё украшенным рубиновым перстнем пальцем.

— Почему рогатое отродье всё ещё разгуливает по моей лавке?

Первый охранник растерялся, но второй оказался наход-чивее.

— А ты не платишь нам достаточно, чтоб мы связывались с демонами, Самир, — ехидно отозвался он. — Сам же велишь не иметь с ними никаких дел, вот и не имеем.

Охранники переглянулись, и первый с готовностью подхва-тил, ухмыльнувшись:

— Но можем и поймать. За дополнительную плату, конечно. Оба загоготали над двусмысленностью шутки.

— Вот с неё плату и возьмёте, сколько сочтёте нужным, — отрезал хозяин и кивнул на затаившуюся Аштирру. — А потом вышвырнете за порог, чтоб она даже не мечтала тут появляться!

«Сейчас бы Всплеск...» — с тоской подумала жрица.

Охранники, поигрывая короткими увесистыми дубинками, двинулись на неё, отрезав путь к выходу.